ЦЕРКОВЬ «МОРАНДИ»

Мне вспоминается скромная церковь на территории дома отдыха "Красные Зори", что на 8-й станции Большого Фонтана в Одессе. Сейчас эта церковь приспособлена под клуб, и звуки "поп" и голоса затейников звучат под ее некогда задумчиво тихими сводами. Здесь была летняя резиденция – дача Михайловского женского монастыря "Сердобольных Сестер". Церковь окружена келейными двухэтажными флигельками, превращенными в курортные помещения, где и по сей день ютятся в антисанитарной тесноте "отдыхающие".

Все было обычным на территории этой усадьбы – и приемное отделение, построенное в так называемых новых стандартах, с неизменной псевдо-классической балюстрадой, и столовая с тесными залами, где проходит двухсменное обслуживание, и кухня с подсобными помещениями, и хозяйственные надворные строения. Одна лишь церковь поражает непривычной формой. Ее невысокий купол был выполнен в довольно странном стиле. Я заинтересовался этим. Оказалось, что церковь построена по чертежам итальянца Ф. Моранди, бывшего одесского городского архитектора. Его почерку присуще использование романского стиля, напоминающего чудесные образцы храмов его родины.

Сейчас, после того, как я побывал в Италии, я могу полностью оценить всю прелесть образцов этой солнечной архитектуры. Сохранились записки врача генерал-губернатора Новороссии М. С. Воронцова Эраста Степановича Андреевского, где он называет Моранди "невежественным итальянским мужиком". Не думаю, что он был прав.

По всему чувствовалось, что Моранди очень хотел создать храм в соответствии с архитектурными канонами православия, но система луковичных куполов, как видно, не давалась зодчему, и он с присущей ему самобытной простотой использовал столь близкие его сердцу мотивы итальянской архитектуры. Образцы его художественного почерка можно было обнаружить в различных местах Одессы. Он перестраивал здание биржи на бульваре,

Церковь на летней резиденции Михайловского монастыря "Сердобольных сестер", в настоящее время приспособленная под клуб дома отдыха "Красные Зори" в г. Одессе, 8 ст.

участвовал в реконструкции кафедрального собора, лютеранской кирхи и, по-видимому, очень любил этот город, ставший для него вновь обретенной родиной.

Его творением была также еще недавно существовавшая часовенка, расположенная около описываемой мною церкви. Она, к сожалению, снесена из-за неисправности старой водонапорной системы. С ее разрушением связана любопытная история.

Многие годы после переоборудования церкви в клуб разместившаяся вблизи часовня служила местом, где располагалось водоналорное хозяйство. Там были установлены водоподъемные насосы, перекачивающие воду из системы городского водопровода для нужд всей усадьбы.

Однажды из-за неисправности насосной системы водопроводчикам пришлось выкопать ему в полу часовни. Они сразу натолкнулись на каменный свод. Любопытство подстегивало их. Вскрыв свод, они обнаружили под ним подвал: склеп, где покоился массивный свинцовый гроб. Рабочие взломали крышку в надежде найти захороненные драгоценности. Их взору предстала одетая в голубой мундир фигура. Труп прекрасно сохранился. "Он был, как живой", – вспоминают очевидцы. Это был труп пожилого человека в военной форме при всех регалиях, в эполетах и аксельбантах.

Весть об этом моментально разнеслась по всей округе. Из еще существовавшего в 50-е годы в черте города, у парка имени Шевченко женского монастыря срочно прибыли монахини. Всю ночь они простояли у гроба, неся заупокойную службу. На утро гроб с генералом был перевезен в Михайловский монастырь для отпевания. Удивительно, как удалось монашкам добиться на это разрешения у властей.

Уже впоследствии мне удалось узнать, что этот генерал был мужем доброй попечительницы Михайловского монастыря баронессы фон Эдлинг. Своими богоугодными делами она была известна всей старой Одессе. На средства баронессы и была воздвигнута церковь для летней резиденции Михайловского монастыря "Сердобольных сестер", в честь пресвятой Богородицы – заступницы монастыря.

Л. ПАРХОМОВ

ВНИМАНИЮ ЖИТЕЛЕЙ САН-ФРАНЦИСКО!
НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО
ПРОДАЕТСЯ В МАГАЗИНЕ
International Gifts and Foods LTD.
5851 Geary Blvd.
San Francisko, CA. 94121.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО
Tel. (212) 564-8547

В поисках корней Руси

Пятьдесят лет назад, в 1932 году, писатель Артем Веселый завершил свой роман «Гуляй Волга» — о движении Руси на восток в XVI веке. Богатый фактическим материалом из далекого прошлого России, тематически он, однако, примыкал к романам Артема Веселого о революции.

В двадцатые и в первой половине тридцатых годов Артем Веселый был, бесспорно, одним из самых известных советских писателей. Сегодня же он, если забыт не целиком, то, по крайней мере, полузабыт.

Между тем, немногие писатели тех лет дали столько материала для понимания революции, сколько дал Артем Веселый.

Сын волжского крючника Николай Кочкуров поначалу, соответственно моде тех лет, взял псевдоним «Невеселый». Затем как верный коммунист, — поскольку партия утверждала, что жить становится все лучше, все веселее, — он переменил псевдоним на «Веселый». Под этим последним с добавлением имени «Артем» он и вошел в советскую литературу.

Романтический бытописатель революции, сам пропитанный насквозь бунтарским духом не столько самой революции, сколько — для многих, для миллионов! — казачьей вольницы незабываемых восемнадцатого и девятнадцатого годов, когда расчет шел только одной монетой — кровью, Артем Веселый был объявлен критиками певцом «плебейской демократии».

В сочетании этих двух, казалось бы, столь близких слов, заключено было некое противоречие. Плебс — это простой народ, который в Древнем Риме был противопоставлен богатым, патрициям. В средние века плебсом именовали широкие слои городской бедноты, лишенной, как и плебеи Древнего Рима, политических прав. «Плебс» в римском мире — это то же, что «демос» в греческом мире. Сказать «плебейская демократия» — то же, что сказать «демократическая демократия». Здесь, однако, возникает открытая тавтология, которая воспринимается как бессмыслица.

И тем не менее, для политической жизни двадцатых годов и, тем более, тридцатых термин «плебейский демократизм» отнюдь не был бессмыслицей. И сказать про писателя, что он «певец плебейской демократии» было в те годы совсем не безобидной игрой слов.

«Плебейская демократия» по этике тех лет было нечто, противопоставленное пролетарской демократии, которая называлась иначе диктатурой пролетариата. А еще точнее, диктатурой партии или, как выразился однажды сам Ленин, «в известном смысле диктатурой ЦК партии».

Стало быть, «плебейская демократия», в приверженности к которой упрекали писателя Кочкурова-Веселого, в сущности, означала нечто противопоставленное диктатуре партии и пролетарской демократии. Пятьдесят лет тому назад критик Чарный выпустил книгу о творчестве Артема Веселого «Певец партизанской стихии». Другой критик ему же, Веселому, посвятил статью под выразительным названием «Дикое перо». Чуть не полвека спустя, в середине семидесятых годов, литературовед Юрий Андреев повторяет те же, давние обвинения: «И в то же время реальным остается факт, от которого никуда не денешься: разгульная стихия (в том числе и контрреволюционная, кулацкая и такая, что не отличишь от махновщины) изображается Артемом Веселым сочней и полнокровней, чем представители советской власти и комиссары, изображается с нескрываемой симпатией».

В тридцатые годы коммунист Артем Веселый был репрессирован, или, как нынче модно писать, «трагически оборвалась его жизнь». После смерти Сталина он был в первых списках реабилитированных. И вновь в биографиях его стали писать, что семнадцати лет, в марте 1917 года, он вступил в партию. Сам про себя Артем Веселый писал: «С весны 1917 года занимаюсь революцией. С 1920 года — писательством». Противопоставляя себя писателям, вышедшим из знати, он замечал: «Хорошо было писателям из дворян: гувернеры, лицеи, университеты, семейная вековая культура. А я в своем роду первый грамотный!».

И вот, оказывается, этот человек, с образцовой биографией большевика, вышедший, что называется, из самых недр народа, не есть подлинный большевик!

Почему?

Прямого ответа на этот вопрос нет ни в одной из официальных биографий Артема Веселого, ибо все они писаны в ключе железного партканона. А партканон исключает всякую самостоятельность не только мыслей, но и чувств. Ежели писатель, тем более писатель-большевик, не подчиняет себя полностью воле партии, то он, уже по одному этому, поборник партизанщины, стихийности и анархического разгула. Все должно принадлежать партии: и воля большевика, и разум, и чувства его.

Но, человек из народа, Артем Веселый органически не принимал этой унификации. Душа потомственного волгаря жаждала свободы, жаждала личной инициативы, пусть и в рамках устава РКП, но без его мелочных, калечащих душу свободного человека регламентаций.

Роман «Гуляй Волга» — о казаках и атамане их Ермаке Тимофеевиче — манифест вольного человека, для которого душа человеческая, как она сотворена природой, святая святых. Без свободного изъявления ее воли нет подлинного человека, а есть лишь некое человекоподобное существо. «Гуляй Волга» — остросоциальный роман. Автор с безупречной точностью расставляет героев своих по социальному признаку: вот голытьба, вот казаки, а вот богатеи-купцы Строгановы, вот бояре, вот сам царь. С одной стороны, царь русский, с другой стороны, тогда еще независимый царь сибирский — хан Кучум.

Чего же хотели казаки, вольные люди? Быть себе хозяевами хотели, ни под царской, ни под чьей иной рукой не желали век свой коротать: одна человеку жизнь дадена — и прожить ее надо свободным человеком, с раскованной душой, а не с рабьей душонкой.

Понимал ли Артем Веселый, что Ермак Тимофеевич с казаками его, двигаясь на восток и воюя «сибирские народцы», в сущности, поначалу хотя и без грамоты царя, выпонял державную волю царя? Безусловно, понимал. К своему роману он выбрал эпиграфом народное присловье: «Отвага мед пьет и кандалы трет».

Над романом работал он шесть лет. «Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбачьей лодке плыл по следам Ярмака — Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом, — кормясь с ружья и сети. За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам под двенадцать тысяч верст».

Многие ли писатели, приступая к историческим своим сочинениям, проделывают такую работу! Да, известное дело: охота пуще неволи. А писатель Артем Веселый, которого не устраивала жизнь, со всеми ее крепостническими ограничениями, наложенными партией, хотел, хоть под предлогом своих писательских поисков, пожить жизнью настоящего вольного человека.

И пожил, и написал роман. И есть в этом романе настоящее уважение к сибирским народам, которым тоже дорога была их свобода. И отстаивали они, как могли, эту свою свободу, да не отстояли: восемь сотен казаков и стрельцов, вооруженных невиданным в Сибири огнестрельным оружием, одолевали княжества и царства.

И, соответственно своему нутряному, душевному порыву, определил Артем Веселый свой роман: «Гуляй Волга — русской воли и жесточи, мужества и страданий полноводная река, льющаяся на восток...»

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

ЕЩЕ РАЗ ПРО НЕГО

На ближайшее время в папке для тем и заметок, которыми хочется поделиться с читателями НРС, у меня не намечалось статьи, где упоминалось бы недоброй памяти имя жестокого тирана. Во всяком случае, до марта следующего года, когда мы, непрогрессивное человечество, будем радостно отмечать 30-летие со дня избавления от него. Но вот преждевременно и случай представился. Я листаю чужой альбом семейных фотографий, а «гидом» по его страницам мне служит юная жительница одной из стран Южной Америки. С одной из фотографий на нас смотрит очаровательная мордашка белокурого голубоглазого малыша, и тут моя приятельница задерживает мое внимание на этом фото и рассказывает (с помощью англо-испанского и испано-русского словарей) грустную семейную историю.

Старший ее братец еще с малых лет бунтовал против «буржуазности» семьи, хаживал на молодежные сходки левацких крикунов, а став совершеннолетним, окончательно ушел в марксисты-ленинцы. Да так далеко туда подался, что, когда стал папашей, своего первенца (вот этого ангелоподобного мальчика) назвал... Иваном-Сталиным... Ну, первое имя дано, надо полагать, в честь родины, где прилепилось «всепобеждающее учение». Второе — в честь ее лучшего сына и отца. Сейчас Ивану-Сталину ровно 4 года. Стало быть, он родился в 1978 году — через четверть века после того, как Непогрешимый Учитель отправился в (будем надеяться) худший из миров. Это — после того, как миру стало известно о его злодеяниях, после «ГУЛАГа» А.И. Солженицына, после хрущевских откровений о зверствах партийного вождя!

Но это имя моей приятельнице, конечно же, ничего не говорит, и я с помощью тех же словарей и рисунков (благо, гулаговские атрибуты СССР изображать весьма просто: решетки да решетки) стал объяснять ей, чье имя носит ее племянник. Мои «политзанятия», кажется, не прошли даром, потому что, когда в очередной раз она звонила от меня на свою родину, то, передавая приветы и поцелуи родным и близким, назвала Ивана только Иваном, без второй клички...

Не стану перечислять азбучных истин и исторических «картинок», которые я должен был объяснить и «нарисовать» моей собеседнице, чтобы обличье покойного деспота представилось ей рельефней. Нашим же читателям перескажу несколько житейских историй, связанных с недобрым именем.

1952 год. Культ вождя достиг своего апогея, и уже с церковных амвонов славословят Насильника, поют «многолетие». Колокола зовут прихожан на службу, где желают «многая лета» Гонителю христиан.

Молодая женщина отправляется на рынок, чтобы купить вязанку дров и коечто из съестного. Рядом с рынком — кладбище и действующая церквушка. Воспитанная в атеизме, никогда храм не посещавшая, она возьми да и загляни в тот час на службу, когда и проходило песнопение во славу Благодетеля. Перепутав церковную терминологию, она, вернувшись домой, выпалила соседским кумушкам, судачившим у крыльца: «Ой, бабоньки, я только что из церкви, там пр Сталину панихиду справляют, так интересно...» В тот же день ее арестовали. Кто-то из тех кумушек, имевших на нее зуб, написал донос: «Желая смерти нашему дорогому и любимому,.. распространяла злостные клеветнические слухи...» И так далее.

Год 1950, весна. Уже давно отгремели фанфары по случаю 70-летия Отца и Наставника, но газеты продолжают печатать цельностраничные излияния от пионеров и школьников, пожарных команд и долгожителей. И ни выбросить газету с такими гимнами куда не след нельзя, ни завернуть в нее кильку. А ведь при наличии отсутствия туалетной бумаги — ой, как хороша «Правда» при нужде. Вот и висел номерок оной газеты с портретом именинника и сердечными ему пожеланиями на гвоздочке в деревянном строении в огороде. А в самой усадьбе справлялась веселая деревенская свадьба. Молодым кричали «горько!», всласть пили хмельную бражку, заводили песни и танцы. Был на свадьбе и ранее отвергнутый жених, с жгучей завистью глядевший на счастливого соперника. Привелось ему сбегать в то деревянное строеньице, и увидел он, что глаз Мудрого проколот ржавым гвоздем. Быстренько смотался в сельсовет, позвонил, куда следует... Молодожены в свою первую брачную ночь, были, как и полагается, под одной крышей, но в разных камерах...

В те же времена, то есть при жизни Заботливого, в уголовном лагере проигрывает «пахану», вору «в законе» несуществующие деньги и ценности наивный новичок. По традиции и суровым законам уголовного мира виновный жестоко наказывался, вплоть до убийства. Но тогда вновь была введена смертная казнь, и «пахан» придумал для того садистское наказание. Был приглашен лагерный «придворный» художник, проигравшего раздели, и живописец вытатуировал на одной ягодице портрет Сталина, а на другой — Ильича. По пояснице пустили фразу: «Вперед, к победе коммунизма!»

Так и глядели друг на друга два вождя, оживая при походке... Вечно мыться в лагерной бане в трусах он не мог, зэки до колик надрывались от хохота. Стало известно и начальству. Судить его не было никакой возможности: пришлось бы в суде предъявлять, простите, вещественное доказательство. Но и оставлять крамолу на мягком месте недопустимо. Ему подстраивают провокационный «побег», и солдат в упор расстрелял его.

Но все ли так печально было в ту эпоху? Выручал ли когда, приходил ли на помощь Великий и Непогрешимый? Приходил, выручал.

Борис Хайбулин (сейчас о. Варсонофий) рассказывал о своем старшем друге. Тот учился в престижном вузе, учился отлично, но диалектический материализм не переваривал, строчки по нему не прочел, избегал и лекций. Но тройка по диамату автоматически лишала стипендии, а в таком вузе и грозила отчислением. Экзаменационная сессия, диамат, а знаний — ноль. На вопрос в билете он разразился длиннейшей тирадой, трескучей и бессмысленной, ну, бред сивой кобылы. Преподаватель, дока в марксизме-ленинизме, ошалело спрашивает: «Откуда вы почерпнули эту ахинею!?» Тот, не моргнув глазом, отбрил: «А это из беседы товарища Сталина с колхозным акыном Черемпилом Бадмаевым!»

Что еще за Черемпил, из какого собеседования? Но дока-доцент был докой и в советской жизни: знал, что вождю приписаны несуществующие дела и мысли, а может и впрямь проморгал какое-нибудь сталинское застолье с чабанами. Тогда не сносить ни звания, ни головы. «Ах, да, — подобострастно залепетал он, — эту мысль товарища Сталина я готовлю к следующему семестру...»

Одна религиозная семья пыталась любой ценой сохранить важные для них документы, родовую реликвию, но с арестом родственника со дня на день ожидали обыска, а документ хранился за серебряным окладом иконы Иверской Божьей Матери. Понимали, что разбить святыню им ничего не будет стоить. А в семье был мастер-скульптор, он изготовил бюст Сталина, замуровав в голове в жестянке из-под мази драгоценные документы. Обыск был, но ни один лихой чекист не решился раскроить череп товарищу Сталину...

А теперь вновь вернемся на минуту к малышу Ивану-Сталину, портрет которого сейчас у меня под рукой. Остается только добавить, что его папаня вовсе не малограмотный латиноамериканский батрак, а помощник адвоката с университетским дипломом. Вот оно, прогрессивное человечество!

Хочется надеяться, что чудесный малыш вырастет добрым человеком, избавится от своей позорной клички и не повторит биографию своего «собрата» Карлоса-Ильича, террориста и бандита с большой интернациональной дороги, по прозванию «Шакал».

ГЕННАДИЙ ТАРАСЕВИЧ

ZUCKERMAN PHARMACY AND SURGICAL SUPPLIES
701 Brighton Beach Ave. Brooklyn, N.Y. 11235
Tel. No. (212) 743-1800 - 1801

ПРОДАЕМ И СДАЕМ В ПРОКАТ СЛЕДУЮЩЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ:

☐ КРЕСЛО-КОЛЯСКА
☐ КОСТЫЛИ
☐ СПЕЦИАЛЬНАЯ ПАЛКА ДЛЯ ХОДЬБЫ
☐ ЛЮБЫЕ ВИДЫ КОРСАЖЕЙ И МНОГОЕ ДРУГОЕ.
☐ ЛЮБЫЕ ВИДЫ ЧУЛОК
☐ СТУЛЬЧИКИ ДЛЯ ВАННЫ
☐ ХОДУНОК

Принимаем медикейд и медикэйр при условии заполнения врачом специальных форм.
Говорим по-русски. Работаем 7 дней в неделю.

ПРАЗДНИК СВ. ВЛАДИМИРА НА ФАРМЕ РОВА

Накануне в субботу 24 июля с. г. в 8 час. вечера состоится

БАЛ

В ПАВИЛЬОНЕ У ОЗЕРА.
Играет оркестр В. ЛИТВИНЕНКО.

В воскресенье 25 июля с. г. —

ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВ. ВЛАДИМИРА.

После церковной службы на территории всей Фермы

ВСЕНАРОДНОЕ ГУЛЯНИЕ

Всех православных людей приглашаем на этот исторический праздник.

Справки по тел.: (201) 928-0928.